

У них власть — ну и что же?

У нас — поэзия!

Хосе Антонио Примо де Ривера

Мы вступаем в эпоху, которую характеризует фактическое разрушение Стиля. Достигнут крайний предел ликвидации форм и наступления тотальной дисгармонии. Явление симптоматичное и весьма злое, так как затрагивает базисные основы восприятия мира. Стиль внеличностен, он не имеет отношения к произвольной воле художника. По сути Стиль является отражением высших метафизических реалий. Дисгармония указывает на возрастающую фрагментарность общения с богами Предков и утрату здорового религиозного чутья. Для тех, кто хоть немного осведомлен в специфике эзотерических традиций, не является секретом то, что конец Цикла проявляет себя в режиме воды, в режиме неустойчивости и весьма мутных потоков.

Пришествие пятого сословия подчеловеческого элемента диктует свои условия и провозглашает свои права. В лице недочеловеков вульгарность празднует победу на руинах былых стилистических великолепий. Еще Х. Ортега-и-Гассет писал о том, что «особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и повсюду» (Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс). Именно заурядность характерна для нынешнего положения дел. На смену советскому героизму, с его патетикой восставшего раба, пришел культ болезненной рефлексии с одной стороны и попсового бездумья с другой. Из всех щелей повылезали некогда шуршащие

на кухне «совдепа» ничтожества. Безликие и бесполое существа, одержимые идеей хронической псевдогениальности, они провозглашают себя борцами с Системой, периодически печалься «об этом и о том». Если О. Уайльд был прав, и природа действительно подражает искусству, то нас, в результате подобного подражания, ожидает потеря и без того весьма размытого облика.

Очевидно и то, что конец Цикла сопровождается пробуждением Героев. Те, в ком не угас архетип нордического аристократизма, начинают свое победное шествие, оставляя позади себя гуманистические предрассудки, моралистическое ханжество, скуку бездарной политики.

Мы вновь обретаем Стил, объединяющий в себе тайные силы, скрытые в магическом наследии Предков. Именно этому Стилю суждено стать творческой властью освобожденной России, именно он укажет грядущим вождям Нации вечные истины кастового неравенства, расового превосходства и божественного произвола, истины, которые станут основой новых Законов.

Мы пока что только Намек. Но Намек на нечто ослепительное и безжалостное. Не этот ли Намек сквозит в голубых глазах каждого русского ребенка? Не в это ли играют наши дети моча в виртуальных пространствах очередную недочеловеческую тварь? Согласно незыблемому правилу, каждому Намеку суждено воплощение. Поэты не ошибаются.

«Дети северного ветра и путей его бескрайних,

Мы опять сюда вернулись, в этот старый сонный мир.

Возвестить о новом утре, разбудить живых и ранних,

И развеять веру поздних в позолоченных кумир».

(Штепа В. Дети северного ветра.)

Мы — партизаны, сражающиеся за РОСКОШЬ СТИЛЯ. Мы следуем только голосу крови и повинемся начертаниям наших северных богов. Среди упавших на колени, согнувшихся под бременем современности, мы остаемся прямостоящими. Заняв нишу абсолютного нонконформизма, мы сохранили великолепную целостность и кристальную ясность, составляющую наше естество. Между нашей жизнью и нашим искусством нет ни противоречий ни разногласий. Верные своим инстинктам, мы предчувствуем явление новой Империи, чьи границы пролегают по ту сторону добра и зла.

Оценивая почти тысячелетний опыт христианского невежества, мы утверждаем, что возрождение стиля, а вместе с ним архетипического облика Белого Человека лежит через обращение к мифу, как извечному самодостаточному знанию.

То, что мы охарактеризовали как Стил, является данностью и коренится в откровении, превышающем проявленный человеческий уровень. Нордический миф возвещает истину о сверхчеловеческом происхождении поэзии в целом и поэтического стиля в частности. Кровь Квасира, смешанная с медом, закипает в котле Одрерир, неся дар поэтического вдохновения. Однако, ни карликам, ни великанам не суждено владеть этим даром. Поэзия удел богов и

Героев. Поэтический мед по праву достается Всеотцу Одину, а жадные великаны

довольствуются только побочным продуктом этого напитка, экскрементами богов, названными в «Младшей Эдде» долей рифмоплетов.

Здесь мы обнаруживаем и первый поэтический манифест. Морской великан Эгир задает вопрос богу-поэту Браги о способах выражения в поэзии. Браги отвечает, что поэзию составляют две стороны: язык и размер. Он также говорит Эгиру о путях создания поэтического языка. О пути прямых имен, пути их замены (хейти) и о создании сложных метафор (кеннинг). И далее мы читаем, что «следует сказать молодым скальдам, пожелавшим изучить язык поэзии и толковать темные стихи: пусть вникнут в эту книгу, дабы набраться мудрости и позабавиться. Нельзя забывать этих сказаний и называть их ложью, изгоняя из поэзии старинные кеннинги, которые нравились знаменитым скальдам» («Младшая Эдда»).

Очевидно то, что наши нордические Предки воспринимали поэзию как некое ритуально-магическое действо. Искусство скальдической поэзии по существу совпадает с элементами рунической магии, называемой гальдор. По словам Эдреда Торссона: «Цель гальдора — донести результаты работы в доступном виде до объективной реальности, воплотить их в «реальный мир». Вот почему язык играет столь важную роль (как символ и как техника) в практике гальдора» (Торссон Э. Северная магия). Не случайно Одину, добывшему мед поэзии, открываются через инициатическое самоистязание тайны рун. М.И. Стеблин-Каменский указывает на то, что в «Младшей Эдде» «слова руны и «искусство скальда» употреблены в одном и том же месте как синонимы» (Стеблин-Каменский М.И. Скальдическая поэзия). Безусловно то, что сами скальды обладали искусством гальдора. Так, в одной из саг рассказывается, что когда скальду Эгилю на пиру поднесли рог с отравленной брагой, он вырезал на нем руны и окрасил их своей кровью. По свидетельству саги, рог разлетелся на куски. Забвение мифа привело к утрате ритуально-магических действий, являющихся повторением божественных жестов, заклинающих власть вселенской энтропии. Утратив стиль, являющийся по существу ритуалом, мы приняли рог с отравленной брагой.

Поэзии должно быть возвращено ее истинное предназначение. Обрести первозданную стилистическую роскошь она сможет только через обращение к мифу. Только в мифе мистическими протуберанцами пульсируют живые образы, только в нем открывается истинное предназначение героического деяния, только миф говорит с нами живым языком среди абстрактных схем и мертвых нагромождений повседневности. Миф конкретен, ибо он коренится в конкретности нашей крови, как высшего и неотъемлемого достояния. Именно чистота крови является божественной матрицей, дающей жизнь богам и призывающей Героев.

Это возвращение к мифу предчувствовал великий Гельдерлин. Раздвоенное состояние, в котором находится современный человек, он назвал «Ночью». «Ночь» — безусловная тьма, но в ее магической тишине нам дается забвение профанической современности. «Ночь» наполняет нас священной памятью Предков, делает нас часовыми у врат Вечного Возвращения. Бодрствующие, согласно Гельдерлину, живут одновременно в прошлом, настоящем и будущем, то есть в вечном присутствии богов. Это присутствие возвещает возвращение божественного дня. Различие между прошлым, настоящим и будущим снимается через дионисийский восторг поэта. Перед этим восторгом современный мир фактически окончательно теряет свою эфемерную реальность. По существу, Рене Генон заблуждался, говоря о «кризисе современного мира». Нечто, не имеющее мифологической, а следовательно стилиевой парадигмы, не может испытать кризис. Современного мира для нас не существует. Власть Циклов — иллюзия непосвященных.

Очевидно, в мифическом контексте наше паломничество на Север, к истокам является реальной действительностью по сравнению с оптическими обманами современности. Именно с этого паломничества должна начаться стилистическая реакция новой русской поэзии, поэзии НОРДИЧЕСКОГО ДЕНДИЗМА.